

Место служения — Сараево. Первый дипломатический опыт А.С. Ионина*

Вы, вероятно, давно уже знаете, что я секретарь при сараевском консульстве. Доля ужасная!

А.С. Ионин.

Из письма к П.А. Ефремову. Июль 1857 г.**

Исследователи истории Балкан второй половины XIX столетия не раз обращались к донесениям, аналитическим запискам и частной переписке Александра Семеновича Ионина (1837–1900). Этот дипломат более 45 лет служил в министерстве иностранных дел России и из них почти 30 лет на Балканском полуострове. Вместе с тем в отечественной историографии довольно мало специальных работ, посвященных Ионину¹. Не удостоился он заметки даже в русском биографическом словаре². Между тем личность эта очень интересная. В 1860–1868 гг. Ионин управлял российским консульством в Янине; в 1869–1878 гг. возглавлял консульство³ в Рагузе (Дубровнике); особенно значима была его деятельность в период Герцеговинского восстания и последовавших за ним событий Великого Восточного кризиса (1875–1878 гг.); с 1878 по 1883 гг. он являлся российским министром-резидентом в Черногории; в 1883–1884 гг. временно управлял генеральным консульством в Софии. Затем Ионин был отправлен в другой, малознакомый российской дипломатии регион — Латинскую Америку, службу в которой продолжал до 1892 г.⁴. В начале 1890-х годов он участвовал в ряде международных конференций, посвященных проблеме борьбы с чумой

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии, проект № 20-59-18004.

** Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (РО ИРЛИ РАН). Ф. 103. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 1.

и холерой. Последним дипломатическим постом Ионина стала должность русского посланника в Швейцарии (1897–1900 гг.).

Коллеги-дипломаты и общественные деятели комплиментарно отзывались об Ионине и его работе. Начинал же он дипломатическую карьеру в самом западном уголке Османской империи — Боснийском пашалыке, где в период с 1857 по 1860 гг. занимал должность секретаря и драгомана при российском консульстве в Сараеве.

В основе предложенного исследования лежат официальные донесения А.С. Ионина в МИД России, а также источники личного происхождения. Часть из этих материалов опубликована в сборниках документов «Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия» и «Зарубежные славяне и Россия»⁵. Основная же масса использованных материалов впервые вводится в научный оборот.

Работа над очерком велась с привлечением документов из Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) и Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ РАН). Особо стоит выделить дело А.С. Ионина, хранящееся в фонде Азиатского департамента МИД АВПРИ⁶. Оно содержит сведения о службе А.С. Ионина на Балканах в период с 1856 по 1871 гг. Здесь имеются материалы, касающиеся продвижения дипломата по службе. 28 листов дела посвящено «сараевскому» периоду жизни Ионина — это официальные документы о краткосрочном прохождении им обучения в Константинополе, назначении на должность секретаря и драгомана в Боснию, а также донесения консула в Сараеве Александра Федоровича Гильфердинга (1857–1858 гг.) о сложностях, с которыми пришлось столкнуться на службе его подчиненному, и переписка российских дипломатов относительно возникших у Ионина проблем со здоровьем. Использованные же в исследовании донесения А.С. Ионина из Боснии в МИД были взяты из упомянутого выше сборника «Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия»⁷ (представленные здесь документы хранятся в фондах АВПРИ).

Источники личного происхождения, проливающие свет на историю службы дипломата в Сараево, разбросаны по разным архивам. В фонде Арсеньевых ОР РГБ хранится дружеское письмо А.С. Ионина к неустановленному лицу, в котором он говорит о своих ожиданиях относительно предстоящей службы в Боснии⁸. Фонд П.А. Ефремова в РО ИРЛИ РАН содержит письмо Ионина с подробным описанием дороги в Сараево и первых месяцев пребывания там⁹. Стихотворное творчество молодого дипломата, в котором звучат боснийские мотивы, удалось обнаружить в его личном фонде в ГА РФ¹⁰. В АВПРИ хранится письмо Ионина к его дяде, в котором он с долей ностальгии упоминает о своей службе в Боснии¹¹. Следует также отметить послания к директору Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевскому, касающиеся судьбы Ионина. Два из них принадлежат А.Ф. Гильфердингу, который комплиментарно отзывается о своем подчиненном (ОР РНБ и РО ИРЛИ РАН)¹². В третьем письме (от 5 февраля 1859 г.) дядя А.С. Ионина хлопочет перед начальником о будущем своего племянника (АВПРИ)¹³.

Таким образом, для представленного исследования характерна мозаичность, что объясняется сложностью поиска информации по заявленной теме. Далеко не все детали службы А.С. Ионина в Боснии и Герцеговине удалось восстановить, однако имеющиеся материалы позволяют не только расширить представления о российской политике в Боснии и Герцеговине, но и обращают внимание на историю повседневной жизни дипломатов на Балканах.

А.С. Ионин родился в 1837 г. в небогатой дворянской семье. В 1854 г. он окончил Лазаревский институт восточных языков. В 1856 г. в чине губернского секретаря поступил на обучение в отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД и позже был направлен в русскую миссию в Константинополь. Ионин надеялся подольше задержаться в столице Османской империи и уже было принялся составлять заметки о городе¹⁴, но в апреле 1857 г. получил назначение на свой первый дипломатический пост — был определен на вакансию драгомана

в новое российское консульство в Сараеве¹⁵. В АВПРИ сохранилось прошение директора Азиатского департамента МИД Егора Петровича Ковалевского к послу в Константинополе Аполлинарию Петровичу Бутеневу — снабдить новоиспеченного дипломата проездными деньгами и отправить к месту службы¹⁶.

Следует отметить, что 20-летний молодой человек воспринял это назначение с глубокой печалью. Перед тем как отправиться в Рагузу, где его ожидал назначенный консулом в Сараево А.Ф. Гильфердинг (1831–1872), Ионин послал письмо от 26 марта 1857 г. неустановленному лицу (скорее всего своему дяде. — *К. М.*), в котором детально передал свои впечатления и ожидания от службы в Боснии¹⁷. «На днях я отправляюсь в Рагузу морем через Смирну, Афины и Корфу, — сообщал он. — Вы, может быть, порадуетесь за меня, подумаете что я отправляюсь на берега Италии под светлое небо Адриатики. Да, до Рагузы бы хорошо, а мне придется оттуда углубиться еще в одно из самых положительных захолустьев Турции, где небо, может быть, такое же голубое, как и в Италии, где природа, говорят, прекрасна, но где красоты ее совсем не отразились на человеке; именно я еду в Боснию <...> Мой товарищ, с которым мы вместе начали службу, назначен в Иерусалим, ему тут одна дама сказала, что она ему очень завидует, потому что он едет спасаться. “Нет, сказал я, мнѣ надобно больше завидовать, я сам еду спасать босняков от невежества”. Но мне не позавидовали. Признаться Вам, так если б я был сам на ее месте, тоже себе бы не позавидовал. Всё вот до сих пор видел людей, а теперь надобно ладить с дикарями»¹⁸. Недоволен Ионин был и своим начальником. Он писал, что Гильфердинг, магистр санскритской древности¹⁹, едет в Боснию только изучать памятники, «а не для того, чтобы быть настоящим консулом». Ионин с горячностью неопытного человека полагал, что делать в Боснии совершенно нечего и одному дипломату. Гильфердинг через полгода вернется в Петербург, «чтобы издать там что-нибудь о непонятных надписях», которые можно принять за санскритские, а он останется управлять этим консульством. Утешал Ионин себя в какой-то степени перспективой занять должность консула, хоть и в Сараеве, и тем, что по долгу службы ему предстояли частые поездки в Вену и Рагузу. Кроме того, начальство

обещало, что его пребывание в Боснии продлится не более полутора лет²⁰.

Весной 1857 г. Ионин доставил инструкции, фирман (указ султана) и берат (грамота, свидетельство) в Рагузу Гильфердингу. Но дипломаты не могли двинуться в путь, так как новоиспеченного драгомана не снабдили средствами для проезда в Сараево. Гильфердинг испросил разрешения консула в Рагузе Петра Николаевича Стремоухова оплатить расходы своего подчиненного из средств, выданных на устройство консульства, что и было сделано с позволения вышестоящего начальства²¹. В Рагузе Гильфердинг нанял переводчика с турецкого языка, так как Ионин, не имея большого опыта живого общения на турецком, не был уверен в своих знаниях этого языка²². Переводчик сопровождал дипломатов в Сараево и пробыл там до июля 1857 г.

Уладив все необходимые вопросы, Гильфердинг и Ионин отправились в путь. Дорога в Сараево заняла около двух недель. Решено было ехать через Требине и Мостар. Существовал более короткий и безопасный путь по реке Неретва через город Меткович, но нужно было оценить ситуацию в беспокойных уголках Герцеговины. О пути до Сараева А.С. Ионин подробно рассказал в письме от 3/17* июля 1857 г. к своему приятелю, издателю и литературоведу Петру Алексеевичу Ефремову: «Прибывши в Рагузу, мы отправились с консулом в путь верхом до самого Сараева, куда мы за разными церемониями и остановками приехали только на 12-й день, хотя настоящего пути быстрого только 6. Вы себе представить не можете этого отчасти несносного путешествия по скалам, по склизким камням, по таким крутизнам, что нужно просто скатываться, и совершенно без пути и дороги. Дикость невероятная, везде разрушение и ветхость, в народе апатия, доходящая до глупости. Впрочем, иногда мы были вознаграждаемы истинно великолепными видами. В долинах природа роскошна, зато на горах — голый черный камень, на котором не растет даже и вереск. Как приятно ехать верхом по такому пути, уже предоставляю вообразить Вам. <...> Церемониал и быт турок со здешними угнетенными несчастными христианами еще

* Так в тексте документа.

более замечателен. Обеды на полу, руками, разговоры с мудирами (городничими)...»²³.

В Сараеве Ионин вновь оказался в стесненном положении. Из министерства прислали средства на возмещение его путевых расходов, но финансов на обустройство на месте не выделили. Гильфердинг вновь просил начальство позаботиться о драгомане консульства: «Долгом считаю донести, — писал он, — что по образу жизни в Сараеве г. Ионину предстоят, при обзаведении здесь, некоторые издержки (как то покупка лошадей для него и служителя), которые ему трудно бы было уплатить из одного жалования»²⁴ (драгоману-секретарю при сараевском консульстве полагалось 1 176 руб. в год²⁵. — *К. М.*).

Постепенно Ионин не только обрел уверенность в турецком языке, но и освоил сербский. Правда, признавался, что родственник славянский язык давался ему куда сложнее итальянского²⁶.

«Теперь Вы можете посмеяться надо мной: я дипломат, хоть у дикарей босняков, а всё-таки дипломат, то есть могу там жить и ничего не делать, играть только роль представителя»²⁷, — так описывал свои первые впечатления от службы в Сараеве Ионин.

Уже в июле 1857 г. Гильфердинг отправился путешествовать по Боснии и Герцеговине²⁸, а Ионин остался в Сараеве вести дела консульства. Своему товарищу Ефремову он жаловался, что в Боснии «скучненько», но работать одно и то же, что в Петербурге. «Для будущности, я думаю, что я выиграю назначением меня в Сараево, потому что это пост совершенно дипломатический, учрежденный только в этом году и весьма важный, что Вы можете видеть по географическому положению Боснии. Теперь я принял консульство на 1,5 месяца, а потом Гильфердинг, вероятно, пробудет с месяц и отправится в Петербург, оставя меня. Разумеется, тогда мне будет значительная прибавка жалования, и через год управления могу надеяться и быть утвержденным консулом. А это вещь не вредная, потому что консул получает 2 500 жалованья, кроме чрезвычайных издержек», — рассуждал Ионин в июле 1857 г.²⁹.

Представления драгомана о том, что работы в Боснии будет немного, оказались ошибочными. Уже с первых месяцев дела у консульства кипели, о чем он подробно писал Ефремову: «Всё

утро занято визитами и приходящими с разными просьбами и объявлениями, всё это записывается, а депеши делаются огромными для Петерб[урга], Вены и Констан[инополя]. Можете судить, что для этого надобно время. Сейчас я лезу в мундир. Сюда приехал вчера новый австрийский генеральный консул и придет ко мне с визитом через час как к представителю России в мундире, надобно и мне напяливать. Впрочем, в несении службы привыкаешь к мундиру. Однако страшно хочется в Россию. Да я через год, полтора, если назначат сюда другого, непременно явлюсь к Вам в одно прекрасное утро»³⁰. Ионин мечтал, что Гильфердинг до того времени отпустит его хотя бы на карнавал в Венецию. А в свободное время упражнялся в стихотворчестве³¹:

*Средь Сараева есть дом,
Живет купец в дому богато,
А дочь его всё под окном
Сидит, и [всё пылает]* златом,
Сидит она в своей светлице,
Поет и шьет весь день-деньской,
И весело бы жить девице,
Лилось бы счастье к ней одной,
Да полюбился ей несчастной
Красавец дивный, да бедняк...
Холодный ветер, день [ненастный],
И он, одетый кое-как,
Всё под окном ее печально
Сидит и грустно так поет —
«Уйти мне лучше в путь бы дальний,
Да сил расстаться не дает,
Зачем мне молодость и сила,
[Зачем мне жизнь и красота],
Зачем меня ты полюбила,
Я горемыка-сирота».*

* Здесь и далее в квадратных скобках неразборчивые слова автор очерка воспроизводит по смыслу.

*Но вот ворота открывают,
Из них идет отец-старик,
И горемыку прогоняют,
Ему во след и брань, и крик.
Девушка плачет [непрестанно]
И хочет уморить себя,
Да видно не умрет любя...*

*Вечер в тот день пришли к ней сваты
От жениха от старика,
Подарки принесли богаты,
И шелк, и [бархат], и меха.
У девы разгорелись глазки,
И думает уже она:
— Зачем мне и красавца ласки,
Когда в шелку я убрана.
А завтра в церкви обвенчалась
И стала старика женой,
Да лишь недолго потешалась,
Стал бить ее старик блажной.*

*Стоит береза пред зарею,
На ней алмазная роса,
Но солнце встанет над землею,
Зажжет лучами небеса,
Восток зардеется блистая,
И высохнет роса ночная...*

*Девушка плачет над могилой,
Где мать ее погребена.
Вдруг слышит шорох — это милый,
И в миг в объятиях она.
Любовь девичья сушит слезы,
Как солнце росу на листьях березы³².*

Донесения Ионина в Азиатский департамент МИД также свидетельствуют, что его ожидания относительно того, что в Сареве дипломатам «нечего делать», не оправдались. Обязанностей было немало: секретарь консульства поддерживал отношения

с дипломатическими представителями других держав, напрямую общался с османскими чиновниками, постоянно принимал делегации местных христиан и пытался решать их многочисленные проблемы³³.

В конце декабря 1857 г. Ионин был отправлен Гильфердингом в главный город Герцеговины — Мостар. Официальной целью визита значилось информирование герцеговинского губернатора о поручении консульских обязанностей по Герцеговине сараевскому консульству. На самом же деле в задачу дипломата входил сбор сведений о положении дел в восставших районах Герцеговины³⁴. В Мостаре Ионин поселился в резиденции герцеговинского митрополита Григория, в доме школы при церкви³⁵. С самого начала визита он оказался в очень сложной ситуации, так как по пашалыку активно распространялись слухи о том, что путешествовавший по этим землям Гильфердинг спровоцировал восстание христиан. Видимо поэтому губернатор Васиф-паша оказал Ионину холодный прием³⁶: если представителей других держав встречали с большой помпой, то российскому дипломату уделили лишь несколько минут.

Секретарь консульства напрямую направлял донесения о событиях в крае в Санкт-Петербург и Константинополь³⁷. Ему удалось выяснить причины негодования властей на российское консульство и раскрыть интригу английских дипломатов, которые занимались агитацией герцеговинцев к восстанию на местах, выдавая себя за русских³⁸. Перед Иониным стояла еще одна важная задача — договориться с местными властями об открытии консульства России в Мостаре³⁹. Тем временем восстание ширилось, и отношения с османскими властями оставались натянутыми. Даже иностранных дипломатов смущали действия местных управленцев против Ионина. Идею открытия российского дипломатического представительства в Мостаре они приняли в штыки⁴⁰.

Гильфердинг очень высоко отзывался о работе Ионина в Мостаре. Когда в январе 1858 г. Александр Федорович получил известие о том, что ему пожалован орден св. Анны 3-й степени, то сразу же написал директору Азиатского департамента, доброму другу его семьи Е.П. Ковалевскому: «Если бы мне был пред-

ставлен выбор, я должен сказать по совести, что охотнее видел бы крестик не на себе, а на груди доброго товарища сараевского изгнания, который более меня, кажется, заслужил такой награды. Для меня пребывание в Сараеве, по своей кратковременности, было приятной оригинальностью и дало мне возможность совершить путешествие, которого я особенно желал и которое вознаградилось богатой археологической добычей. Пока я проводил часть лета в привлекательных для меня изысканиях, г. Ионин осужден был на затворничество в душном турецком городе. И теперь, когда Ваше превосходительство дает мне позволение возвратиться в Россию и к отцу моему, г. Ионину предстоит, вероятно, не краткая еще разлука с родными. Недавно понадобилось, для пользы службы, чтобы один из нас поехал по трудному смертному пути в Мостар — заблудиться там в неотапливаемой комнате (таковы дома в Мостаре) и встретить самый неприветливый прием от турок. И эту жертву должен был опять принять на себя г. Ионин. Не зная турецкого языка и мало знакомый с турецкими законами и обычаями, я ему предоставил все сношения с пашой и митрополитом и не могу довольно похвалить Вашему превосходительству его благодеяние и такт. Такие же качества окажет он, я уверен, и в настоящую свою командировку. Первые донесения его из Мостара уже заслужили, я надеюсь, Вашего одобрения. Всё это придает мне смелость покорнейше просить Ваше превосходительство, чтобы Вы удостоили обратить внимание на этого даровитого молодого человека и поощрить его каким-нибудь знаком монаршей милости, который, повторяю, был бы более заслужен на его груди, чем на моей. Случай к тому может представить нынешняя его командировка в Мостар, если она, как я уверен, окончится к его чести. Было бы даже полезно возвысить его такой наградой в глазах турецких властей, со стороны которых он встретил, несмотря на все официальные рекомендации, такой дерзкий прием в Мостаре»⁴¹.

В феврале 1858 г. Гильфердинг официально покинул свой пост. Новым консулом в Сараеве был назначен опытный дипломат Евграф Романович Щулепников. Ожидания Ионина занять должность консула не оправдались. Вероятно, причинами этого явились история с обвинением российских дипломатов в орга-

низации восстания и негативное отношение местных властей к Ионину и Гильфердингу⁴².

В апреле 1858 г. Шулепников направил Ионина в командировку в герцеговинское Требине, где велись мирные переговоры турок с повстанцами⁴³. К этому времени Черногория присоединилась к борьбе герцеговинцев с османскими властями. Ионин стал свидетелем победного сражения участников восстания с правительственными войсками в Грахово. Боснийский историк И. Тепич предполагал, что в начале мая Ионин и представитель английского консульства были заключены в тюрьму по обвинению в шпионаже и подстрекательстве к восстанию. Правда, в заключении Ионин провел всего три дня, после чего бежал в Австрию⁴⁴. Но вскоре он вернулся в Боснию, и в конце мая вновь появляются его донесения из Мостара⁴⁵.

Ионин состоял в переписке с настоятелем русской посольской церкви в Вене Михаилом Федоровичем Раевским⁴⁶, помогал ему в вопросах распределения помощи из России для школ и церквей Боснии и Герцеговины, а также в деле отправки боснийских и герцеговинских мальчиков на обучение в Россию⁴⁷. Он даже получил шифр от Раевского для секретной переписки⁴⁸. Александр Семенович также стал агентом славянских комитетов⁴⁹.

С июля 1858 г. Ионин упоминает в письмах об ухудшении своего самочувствия. Он надеялся получить отпуск и отправиться на месяц домой⁵⁰. К середине августа состояние здоровья молодого дипломата ухудшилось еще больше⁵¹, но дозволение отправиться на лечение в Вену он получил только в конце сентября. Болезнь к тому времени была уже в запущенном состоянии⁵². Судя по тому, что 6 октября датируется очередное донесение секретаря консульства Бутеневу, лечение продлилось недолго. Затем на некоторое время донесения Ионина исчезают. Свет на это дело проливает письмо дяди молодого дипломата к Е.П. Ковалевскому, датированное 5 февраля 1859 г.: «Вы подаете мне надежду не оставить моей покорнейшей просьбы о милостивом внимании к моим двум племянникам: Александру и Владимиру Иониным⁵³, из коих первый, добрый и умный юноша, был при консульстве в Боснии, а теперь, вероятно, в Палерме для поправления своего здоровья. Он простудился в Мостаре, и у него открылось

кровохарканье, угрожающее дурными последствиями, если Бог не сохранит его»⁵⁴. Дядюшка переслал Ковалевскому письмо племянника из Неаполя, в котором некогда недовольный назначением в «дикую Боснию» Ионин тоскует (вот удивительно!) по этим славяно-турецким краям: «Не считите меня за педанта, если я Вам скажу, что Италия после Боснии не только не производит впечатления, но даже разочаровывает, я говорю о природе. Правда, в Боснии нет ни лимонов, ни апельсинов, но ее зеленые горы, бархатные луга со сверкающими речками, окруженные горными скалами, до того величественны, а часто аркадски-поэтичны, что превосходят всякое воображение, и я, который бежал от ее скуки, теперь, среди Италии, под блестящим небом Неаполя, с благодарностью вспоминаю часы упоительного восторга, которые мне доставляли боснийские картины...»⁵⁵.

Начальство высоко ценило Ионина — его, несмотря на болезнь и отсутствие в Сараеве, оставили на посту секретаря консульства, чтобы он продолжал получать жалованье⁵⁶. Из министерства иностранных дел российскую миссию в Неаполе просили позаботиться о молодом дипломате⁵⁷.

В начале августа 1859 г. Александр Семенович вновь отправился к месту службы в Сараево, на этот раз через Белград. Там у него случился сильный приступ, и доктора категорически запретили ему ехать верхом по бездорожью в Боснию, климат которой пагубно сказывался на состоянии его легких⁵⁸. Российский консул в Белграде М.Р. Милошевич отправил Ионина в Вену, где в это время в отпуске находился и А.Ф. Гильфердинг. Последний встречу с Иониным описал в письме к Ковалевскому: «Сейчас был у меня Ионин (старший). Он отправился было в Сараево по приказанию Вашего превосходительства, доехал до Белграда и там слег в постель, стал опять харкать кровью. Тамошние медики предсказывали ему верную смерть, если он в этом состоянии поедет в Боснию, верхом. Милошевич и Кожевников, принявший в нем особенно горячее участие, почти насильно удержали его от такого путешествия и заставили возвратиться в Вену, для лечения. Сердце сжимается при виде этого прекрасного, талантливого, исполненного любви ко всему, благородного молодого человека, как он вдрут, среди живого разговора остановится, схватится

за бок и скажет: “Ой колет, больно!” В.П. Балабин* намерен засвидетельствовать перед Вашим превосходительством опасность его положения и просит Вас о дозволении ему предпринять новое лечение, где прикажут доктора. Я со своей стороны осмеливаюсь присоединить в его пользу свое слабое ходатайство и умоляю Вас быть по-прежнему снисходительным к бедному Ионину»⁵⁹.

В.П. Балабин также направил письмо Ковалевскому, в котором изложил обстоятельства дела Ионина и помог ему организовать лечение в швейцарском городе Интерлакене⁶⁰.

Вернулся ли Ионин в Боснию? Установить этого по документам не удалось. Здоровье же он свое поправил. 13 сентября 1860 г. министр иностранных дел России Александр Михайлович Горчаков поручил передать управление консульством в Янине секретарю и драгоману консульства в Сараеве А.С. Ионину⁶¹. Начался новый этап в карьере дипломата.

Служба в Боснии и Герцеговине серьезно подорвала здоровье Ионина, но в этих краях он приобрел бесценный опыт. Его прекрасное знание этой славяно-турецкой области сыграло большую роль в годы Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. Находясь в Рагузе, Ионин был одним из основных информаторов МИД и славянских комитетов о событиях в регионе и главным посредником в деле доставки русской помощи местным жителям⁶². Приобретенный опыт работы пригодился ему и позже, когда он стал министром-резидентом в Черногории. Представления Ионина о Боснии и Герцеговине и его отношение к этим краям пережили значительную эволюцию. И хотя его ожидания от службы в «ди- кой Боснии» не совпали с реальностью, именно там он получил настоящую дипломатическую закалку.

Изложенный в очерке сюжет может показаться незначительным, однако привлечение новых материалов позволяет расширить представления о деятельности российских дипломатов в Боснии и Герцеговине в период после Крымской войны, а также дополняет биографии видных работников МИД России новыми интересными фактами.

* Виктор Петрович Балабин (1812–1864) — русский дипломат. В 1858–1860 гг. находился в Австрии с особым поручением, а в 1860–1864 гг. был посланником, затем послом в Вене.

Примечания

- 1 См.: *Казаков В.П.* А.С. Ионин — первый русский историк Аргентины // Вестник РУДН. Серия Всеобщая история. 2011. № 3. С. 74–80; *Хлебникова В.Б.* Российский дипломат А.С. Ионин о положении Черногории после Берлинского конгресса и о внешнеполитических планах России на западе Балканского полуострова // Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность). Сб. статей / гл. редактор К.В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 310–324. DOI 10.31168/2618-8570.2019.13.
- 2 В словаре есть статья о младшем брате Ионина — Владимире Семеновиче. См.: Ионин Владимир Семенович // Русский биографический словарь. Т. 8. Ибак — Ключарев. СПб., 1897. С. 320–321.
- 3 С 1875 г. генеральное консульство.
- 4 В 1883–1892 гг. посол в Бразилии, одновременно в 1885–1892 гг. русский посланник в Аргентине. Содействовал установлению дипломатических отношений Российской империи с Аргентиной, Уругваем и Мексикой. Автор сочинения «По Южной Америке» (СПб., 1892).
- 5 Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М.: Наука, 1975; Югословени и Русија: документи из архива М.Ф. Рајевског. 40–80 године XIX века. Београд, 1989; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. М.: Наука, 1985.
- 6 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 154. Азиатский департамент МИД. Оп. 710-1. Д. 112. 78 л.
- 7 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия.
- 8 Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 13. Арсеньев В.С., Арсеньев Ю.В. Картон 24. Ед. хр. 30. 2 л.
- 9 Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (далее — РО ИРЛИ РАН). Ф. 103. Ефремов П.А. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 1–8 об.
- 10 Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 939. Ионин А.С. Оп. 1. Д. 5.
- 11 АВПРИ. Ф. 154. Оп. 710-1. Д. 112. Л. 16–19.
- 12 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 356. Ковалевский Е.П. Оп. 1. Ед. хр. 176. 4 л.; РО ИРЛИ РАН. Ф. 93. Собрание Дашкова. Оп. 4. Ед. хр. 32. 2 л.
- 13 АВПРИ. Ф. 154. Оп. 710-1. Д. 112. Л. 14–15.
- 14 ОР РГБ. Ф. 13. Картон 24. Ед. хр. 30. Л. 2 об.
- 15 АВПРИ. Ф. 154. Оп. 710-1. Д. 112. Л. 6.
- 16 Там же. Л. 6–7.
- 17 ОР РГБ. Ф. 13. Картон 24. Ед. хр. 30. Л. 1–2 об.
- 18 Там же. Л. 1–1 об.
- 19 В 1853 г. А.Ф. Гильфердинг защитил в Московском университете магистерскую диссертацию по теме: «*Об отношениях языка славянского к другим родственным*».
- 20 ОР РГБ. Ф. 13. Картон 24. Ед. хр. 30. Л. 1–2 об.
- 21 АВПРИ. Ф. 154. Оп. 710-1. Д. 112. Л. 10.
- 22 Там же. Л. 12–12 об.
- 23 РО ИРЛИ РАН. Ф. 103. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 6 об.–7.

- 24 АВПРИ. Ф. 154. Оп. 710-1. Д. 112. Л. 11 об.
- 25 Справочная книга для должностных лиц центральных и заграничных установлений министерства иностранных дел. Составил по поручению министерства иностранных дел М. Никонов. СПб., 1869. С. 271–275.
- 26 РО ИРЛИ РАН. Ф. 103. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 1.
- 27 ОР РГБ. Ф. 13. Картон 24. Ед. хр. 30. Л. 2.
- 28 *Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб.: В Тип. Имп. Академии наук, 1859.
- 29 РО ИРЛИ РАН. Ф. 103. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 7–7 об.
- 30 Там же. Л. 8.
- 31 ГА РФ. Ф. 939. Оп. 1. Д. 5.
- 32 Стихотворения А.С. Ионина. Черновики. Б. д. // ГА РФ. Ф. 939. Оп. 1. Д. 5. Л. 5–7 об. Приведена одна из версий стихотворения.
- 33 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. С. 75, 77–78, 85.
- 34 Там же. С. 107–108.
- 35 Там же. С. 118.
- 36 Там же. С. 116.
- 37 Там же. С. 107–108, 117–119, 121–123, 128–129.
- 38 Там же. С. 121–123.
- 39 Добиться открытия российского консульства в Мостаре удалось только в августе 1858 г. Первым консулом стал Валериан Владимирович Безобразов.
- 40 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. С. 131.
- 41 РО ИРЛИ РАН. Ф. 93. Оп. 4. Ед. хр. 32. Л. 1 об.–2об.
- 42 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. С. 158.
- 43 Там же. С. 162–165.
- 44 *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима: (1856–1878). Сарајево: Веселин Маслеша, 1988. С. 257–265.
- 45 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. С. 171.
- 46 О М.Ф. Раевском см.: *Чуркина И.В.* Протоиерей Михаил Фёдорович Раевский и югославы. М.: Институт славяноведения РАН, 2011.
- 47 Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. С. 177; Югословени и Русија: документи из архива М.Ф. Рајевог. С. 274–276.
- 48 Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 347. Раевский М.Ф. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 1, 6; там же. Ед. хр. 79. Л. 1; Югословени и Русија: документи из архива М.Ф. Рајевог. С. 274.
- 49 О славянских комитетах см.: *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1856–1876 годах. М.: Издательство Московского университета, 1960.
- 50 Югословени и Русија: документи из архива М.Ф. Рајевог. С. 274.
- 51 Там же. С. 276.
- 52 АВПРИ. Ф. 154. Оп. 710-1. Д. 112. Л. 13.
- 53 Владимир Семенович Ионин (1838–1886) — выпускник Лазаревского института восточных языков, обучался в отделении восточных языков при Азиатском департаменте МИД; в 1859 г. был послан студентом миссии в Константинополь; в 1860 г. был назначен секретарем консульства в Мостаре; в 1865 г. — драгоманом генерального консульства в Белграде; с 1867 г. — секретарь консульства в Рагузе, в сентябре 1867 г. был перемещен в Бейрут в звании секретаря и

драгомана генерального консульства. В 1869 г. был назначен консулом в Дамаск, в 1871 г. вторично переведен в Петербург в Азиатский департамент чиновником сверх штата, а 18 января 1872 г. уволен от службы с пенсией; в мае 1872 г. В.С. Ионин поступил на службу в департамент таможенных сборов. В сентябре 1875 г. оставил службу по министерству финансов и уехал на юг. В 1876 г. он был председателем Болгарского революционного комитета в Бухаресте. 29 сентября 1877 г. был избран председателем Боснийского народного временного правительства. Вскоре был вынужден бежать. Последние годы жизни провел в Петербурге.

⁵⁴ АВПРИ. Ф. 154. Оп. 710-1. Д. 112. Л. 14–15.

⁵⁵ Там же. Л. 16–16 об.

⁵⁶ Там же. Л. 20.

⁵⁷ Там же. Л. 22.

⁵⁸ Там же. Л. 23–28.

⁵⁹ ОР РНБ. Ф. 356. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 4 об.

⁶⁰ АВПРИ. Ф. 154. Оп. 710-1. Д. 112. Л. 28.

⁶¹ Там же. Л. 29.

⁶² См. донесения А.С. Ионины, опубликованные в: Уједињена омладина српска и њено доба. Грађа из совјетских архива. Нови-Сад: Будућност, 1977; Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы. М.: Индрик, 2008.